

«Общее будущее человечества» в дипломатическом дискурсе Китая

© 2019

А.В. Семёнов, А.В. Цвык

Статья посвящена проблеме дипломатического дискурса Китая. Авторы приходят к выводу, что в экспертной среде отсутствует консенсус относительно того, является ли китайский дипломатический дискурс трудным для понимания в странах Запада и каким он должен быть. Они предпринимают попытку анализа одного из базовых концептов современного дипломатического дискурса Китая — «общего будущего человечества» — на языковом, когнитивном и прагматическом уровнях его понимания.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, дипломатический дискурс, концепция «общее будущее человечества», Си Цзиньпин.

DOI: 10.31857/S013128120007998-8

За последнее десятилетие КНР заметно активизировала свое участие в международных делах. Проведение мероприятий мирового уровня, таких, как Олимпийские игры 2008 года в Пекине, ЭКСПО-2010 в Шанхае, ряда дипломатических саммитов, где Китай выступает в качестве хозяина уже существующих международных форумов (АТЭС, G-20, ШОС, БРИКС), выдвижение ряда проектов глобального характера (инициатива «Один пояс, один путь») — все это свидетельствует о том, что КНР последовательно и энергично выходит на мировой уровень и делает заявку на повышение своего статуса в глобальном управлении в качестве ответственной глобальной державы.

Пекин все глубже осознает, что экономические успехи не являются безоговорочным залогом повышения политической роли страны в мире. Положения Дэн Сяопина о первостепенной важности экономического роста, ориентированности на собственное развитие, незаинтересованности (возможно, декларативной) в политическом лидерстве на глобальном уровне и ограниченной ответственности в международных делах продолжают сказываться на внешней политике КНР, однако претерпевают определенные трансформации и смысловые метаморфозы.

К тому же усиление глобальной экономической мощи Китая и действия по повышению его политической роли на международной арене не сопровождалось автоматическим ростом его политического веса. Глобальное внешнеполитическое поле, в том числе в информационном пространстве, всецело принадлежало странам Запада. Китай, несмотря на свои политические и экономические успехи, по-прежнему был фактически заблокирован в регионе Восточной Азии. Попытки выйти за его пределы ограничивались

Семёнов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, профессор кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ. E-mail: legatus@bk.ru;

Цвык Анатолий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений факультет гуманитарных и социальных наук, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: tsvyk-av@rudn.ru.

лишь усилением активности Пекина в странах с наиболее многочисленной китайской диаспорой.

По нашему мнению, осознание того, что влияние и образ государства на глобальной арене зависят не только от экономических достижений, но, может быть, в большей степени от возможности говорить об этих достижениях, давая им свою интерпретацию, а также заставляя слушать себя и предлагая миру свою повестку дня, явилось причиной возникновения «лингвистического поворота» во внешней политике КНР.

Разработка дипломатического дискурса в Китае

В связи с развитием междисциплинарных исследований на основе теории дискурса в настоящее время можно подойти к интегральному изучению самой сути дипломатической деятельности Китая как «особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности»¹.

Понятие «дискурс» является многозначным, поэтому пока нет единого, удовлетворяющего всех определения. Тем не менее, основой дискурса выступает коммуникационное явление, что признают все исследователи. Расхождения возникают при «дистраивании» основы дискурса до полноценного определения, исходя из направления конкретной науки.

Дипломатический дискурс определяет коммуникацию институционализированных субъектов в профессиональной и публичной областях для достижения целей государства во внешней политике.

Так, дипломатический дискурс Китая — это как говорит (языковый аспект), что понимает (когнитивный аспект) и какие цели ставит (коммуникативный аспект) китайская дипломатия.

На первоначальном этапе вышеупомянутого «лингвистического поворота» были на экспертном уровне проанализированы проблемы презентации страны в мире и формирования имиджа Китая за рубежом. Экспертами было обращено внимание на важную роль дискурсивного подхода в работе на международном поле. Причем китайские аналитики исходили из практических целей и трактовали дискурс в социоллингвистическом ключе. Понятие «дискурс» они передавали как «话语», букв.: «язык, на котором говорят».

При этом следует отметить, что в китайской интерпретации получить право говорить — право на дискурс «话语权» (huayuquan) в международном языковом пространстве равнозначно тому, чтобы добиваться власти своего дискурса (话语权) (huayuquan). Дело в том, что в китайском языке такие понятия, как «права» «权利» (quanli) и «власть» «权力» (quanli) одинаково звучат и почти одинаково пишутся — отличаются только вторые иероглифы в бинормах. Таким образом, переход от права к власти может являться не процессом, а субъективным решением руководителя в зависимости от конкретной обстановки.

С приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина к борьбе за дискурс подключилось высшее руководство КНР. В ноябре 2013 г. на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято «Решение о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформы», в котором особо подчеркивалась необходимость укрепления возможностей распространения информации за рубежом, создания системы права/власти на внешнеполитический дискурс и содействия выходу китайской культуры в мир².

30 декабря 2013 г. Си Цзиньпин в ходе проведения 12-й коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК подчеркнул, что «для повышения уровня мягкой силы государства необходимо прилагать усилия с целью укрепления права/власти на международный дискурс. Чтобы открыть новые возможности для распространения информации за границей, нужно тщательно формировать систему внешнеполитического дискурса, привлекая силы творчества, вдохновения и общественного доверия. Стратегиче-

ской целью всех этих действий является повышение права/власти Китая на международный дискурс»³.

В дальнейшем тема внешнеполитического дискурса Китая оставалась актуальной вплоть до настоящего времени.

Предметом дискуссий в китайской экспертной среде стал ряд вопросов.

1. В чем заключается причина непонимания китайского дипломатического дискурса странами Запада?

2. Является ли дипломатический дискурс Китая трудным для понимания и должен ли он быть таким?

3. Как повысить эффективность дипломатического дискурса?

В этой связи необходимо осуществить обзор основных подходов китайских экспертов к вопросу понимания дипломатического дискурса Китая.

Дискуссии о дипломатическом дискурсе Китая

Причины непонимания китайского дипломатического дискурса

В 2015 г. на новостном веб-портале «Пэнбай синьвэнь» в Шанхае была опубликована статья Чжан Фэна, исследователя факультета международных отношений Австралийского государственного университета, под заголовком «Почему так трудно понять дипломатический дискурс Китая?», которая вызвала оживленные дискуссии в китайской экспертной среде.

Автор поставил проблему несоответствия репрезентации международной картины мира Западом и Китаем и рассмотрел это обоюдное непонимание, исходя из языкового, когнитивного и прагматического уровней.

В языковом плане, как отметил Чжан Фэн, дипломатический дискурс Китая актуализирует формулы, содержание которых является семантически неясным и непрозрачным. Так, понятие «合作共赢» (hezuo gongying) (сотрудничество и общий выигрыш), которое является ядром международных отношений нового типа, пропагандируемых китайским руководством, является нечетким, расплывчатым и не объясняет, каковы будут действия китайской дипломатии. По его мнению, требуют конкретизации и детализации такие дискурсивные формулы, как «义利观» (yi li guan) (взгляд на справедливость и выгоду), «命运共同体» (mingyun gongtongti) (общее будущее) и т.д.⁴

Как отмечает Чжан Фэн, причиной непонимания дипломатических формулировок является не столько сложность китайского языка, поскольку на Западе также есть немало высококвалифицированных синологов. Корни непонимания лежат в когнитивной области.

Несколько тысяч лет в Китае культивировался целостный способ мышления. Китайцы в общем включали единичное. Люди Запада, наоборот, делали акцент на единичном, индивидуальном. Поэтому, когда китайские официальные лица заявляют о том, что подъем Китая — это благо для всего мира, которое может принести пользу человечеству, Запад, исходя из своей индивидуалистической картины мира, считает такое заявление лукавством и намерением КНР скрыть свои корыстные мотивы.

Предлагая глобальные проекты («Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы»), Китай часто использует в своих дискурсивных формулах иероглиф «共» («общий»): «共商» (gongshang), «共建» (gongjian), «共享» (gongxiang) (сообща торговать, сообща строить, сообща пользоваться результатами труда). Западный мир считает их довольно туманными, скрывающими эгоистическую выгоду Китая.

Между Западом и КНР существует разрыв и на прагматическом уровне. Наиболее ярко он проявляется в отношениях Китая и США. При этом стоит отметить, что автор рассматривал китайско-американские отношения до их ухудшения в 2018 г.

По мнению Чжан Фэна, Китай хочет установить с США «отношения крупных государств нового типа» и делает акцент на трех позициях.

Во-первых, Китай и США не конфликтуют и не противостоят друг другу. Эту дискурсивную формулу американцы понимают, но сомневаются, можно ли ее осуществить.

Во-вторых, Китай и США уважают коренные интересы друг друга. Эта дискурсивная формулировка еще в большей степени понятна американцам, но они ее не могут принять, потому что некоторые коренные интересы Китая могут идти вразрез с интересами США. По их мнению, принятие данного тезиса — слишком большая уступка Китаю.

В-третьих, между Китаем и США должно быть сотрудничество, а его результатом стать общий выигрыш. Этот дискурс не очень понятен американцам в связи с тем, что он не объясняет, каких целей хочет добиться Китай и каковы его интересы. Поэтому они считают этот тезис бессодержательным, на который не следует реагировать и обрацать серьезное внимание⁵.

Таким образом, считает Чжан Фэн, дискурсивная стратегия «отношения между крупными государствами нового типа» является шаблонным понятием, которое выражает стремления и интересы Китая. Однако необходимо провести большую разъяснительную работу, чтобы наполнить его реальным содержанием и устранить «прагматический разрыв» между двумя странами.

Автор считает, что его ликвидация также связана с изучением ментальных особенностей партнера. По мнению автора, американцы лучше всего понимают, когда речь идет об их собственных интересах, поэтому при общении с ними нужно прямо ставить вопрос о распределении интересов⁶.

Кроме того, свободная коммуникация и прагматизм зависят от учета особенностей партнера, выбора соответствующих дискурсивных стратегий и конкретного времени осуществления коммуникации. Автор делает вывод о том, что не только мир должен понимать Китай, но и Китай должен приложить максимальные усилия, чтобы мир его понял. Сила убеждения — это составная часть международного влияния государства и та цель, к достижению которой должен стремиться китайский дипломатический дискурс.

В полемику с Чжан Фэном вступил ряд китайских исследователей.

Сюй Цзинь, начальник отдела исследований теории международной политики Института мировой политики и экономики Академии общественных наук КНР, не считает, что китайский дипломатический дискурс труден для понимания.

Во-первых, по мнению Сюй Цзиня, именно западные страны жалуются на непонимание китайского дискурса, а у стран, не являющихся западными, такими, как Россия, не возникает проблем с пониманием дискурсивных формул КНР⁷.

Во-вторых, формулировки китайской дипломатии, такие, как «*xinxing daguo guanxi*» (отношения крупных государств нового типа), «*hezuo gongying*» (сотрудничество и общий выигрыш) и ряд других, не труднее для понимания, чем такие термины американской дипломатии, как «акционеры и заинтересованные лица» (*stakeholder*) или «коэволюция» (*coevolution*). Причем китайские дипломаты, стремясь выявить семантический смысл американских формулировок, не жалуются на трудность их понимания.

В-третьих, убедить мир ни одному государству не удавалось, — это *mission impossible* (миссия невыполнима).

В-четвертых, ссылаясь на М. Фуко, по мнению которого, дискурс — это власть, Сюй Цзинь считает, что в дипломатическом дискурсе отражаются интересы западных стран, а Китай претендует на то, чтобы получить право определять и интерпретировать понятия, идеи и правила международных отношений. Именно поэтому Запад будет бороться за свою власть в международном дискурсе любыми способами, в том числе, в форме непонимания, жалоб и обвинений.

Более того, Сюй Цзинь снимает проблему непонимания дискурса. Он разделяет профессиональный дипломатический дискурс и публичный дипломатический дискурс и полагает, что дискурсивные формулы больше относятся к профессиональной сфере, а дипломатический дискурс — это сигнал, роль которого заключается не в убеждении противоположной стороны, а в демонстрации политической позиции и скрытом указании на принципы и направление действий. И, в конечном счете, эффективность китайской дипломатии нужно оценивать не столько по ее дискурсу, сколько по реальным действиям⁸.

Профессор Женевского института международных отношений Сян Ланьцин также, как и Сюй Цзинь, считает, что дипломатический дискурс Китая не является трудным для понимания, и лидеры Запада, начиная с первых контактов в 70-годах XX века, на официальных встречах и переговорах умело используют цитаты и афоризмы из китайских классических книг и поэтических произведений. По его мнению, путь к пониманию китайского дискурса не близок, и необходимо вырабатывать силу убеждения, не следует специально идти на встречу западному мышлению и вступать в контакт с другими цивилизациями на равноправной основе⁹.

Чжан Чжичжоу, старший научный сотрудник Центра по изучению публичной дипломатии и Центра по изучению инновационной деятельности и распространению китайской культуры Пекинского университета иностранных языков, вступая в полемику с Чжан Фэном, считает, что проблемы непонимания ряда неясных дискурсивных формул Китая, таких как «сотрудничество и общий выигрыш» и «отношения нового типа между крупными государствами», заключаются в том, что они были приведены недостаточно корректно, и им недостает конкретизации и детализации¹⁰.

Он утверждает, что формула «сотрудничество и общий выигрыш» имеет корни в традиционной европейской культуре, а именно в стратегии обоюдного выигрыша — «win-win strategy», а вариации формулировки «отношения нового типа между крупными странами» использовали в свое время и президент США Барак Обама, и госсекретарь Джон Керри.

В первом случае следует не просто вводить в дискурс абстрактную формулу, а конкретизировать, в каких сферах следует осуществлять сотрудничество и какой общий выигрыш можно получить. Во втором случае расхождения между крупными государствами — Китаем и США — зависят не столько от размытости формулировок или неопределенности внешней политики, сколько от многолетних проблем во взаимном доверии и переплетения интересов.

Вместе с тем Чжан Чжичжоу согласен с позицией Сюй Цзиня о том, что жалобы на непонимание китайского дискурса в мире идут с Запада, и причиной этих жалоб является претензия Китая на власть дискурса¹¹.

Профессор факультета дипломатии института международных отношений и связей с общественностью Фуданьского университета Су Чанхэ полагает, что довольно часто можно слышать такое утверждение, что в условиях международной коммуникации люди за рубежом не понимают как китайский официальный политический, так и дипломатический дискурс, дискурсивные формулы считают пустыми и бессодержательными, поэтому предлагают выражать себя на понятном языке «передового международного сообщества».

Су Чанхэ считает, что дискурсивная система, сформированная из языка международного общения, политических понятий, терминов, наименований, является составной частью культурного суверенитета государства, и народ должен защищать свой суверенитет, выражая мысли на своем языке¹².

По мнению Су Чанхэ, проблема непонимания дискурса предопределена различием языков, и ее решение лежит в плоскости межкультурной коммуникации. Однако в общении разных культур большую роль играет взаимное влияние, которое бывает сильным и слабым. Сильная культура, исходя из своих стандартов, объясняет более сла-

бую. Внедряя свой дискурс, она создает центр притяжения для образованного сословия, но из-за несимметричности и несбалансированности взаимодействия богатство национального дискурса остается неиспользованным¹³.

Таким образом, непонимание не является историческим дефектом китайского политического и дипломатического дискурсов, а отражает доминирование иностранного, в данном случае западного дискурса, и нежелание его носителей постигать особенности внутреннего, китайского. В этом смысле, изучение китайского языка и культуры будет способствовать лучшему взаимопониманию Китая и Запада и возможности избежать «коммуникативных сбоев и провалов».

Возникает также вопрос: каким образом повысить эффективность своего дискурса и добиться убедительности его функционирования?

Су Чанхэ считает, что дискурс можно повысить до уровня стратегии культурной дипломатии и использовать, чтобы закрыть, затемнить или заменить противоположный дискурс, а в результате его ассимилировать, поставить под надзор и изолировать. В этом случае сильный дискурс ставит под контроль более слабый и может выдвинуть обвинения носителям слабого дискурса в отсутствии профессионализма, непонимании, отсутствии связи с основной международной тенденцией. По его мнению, Китаю нужно опираться на свой дипломатический дискурс, который стоит на защите культурного суверенитета страны, причем для партнеров понимание дипломатии КНР не представляет трудностей. Странам Запада в этом случае нужно самостоятельно постигать логику и стилистику китайского нарратива¹⁴.

Доцент Аомыньского университета и приглашенный научный сотрудник Чжунъянского института финансовых исследований Народного университета КНР Чэнь Диндин также согласен, что для достижения своих стратегических целей китайской дипломатии требуется искусное владение дискурсом.

Модель дипломатического дискурса он предлагает строить на основе концепта «умного дискурса» (*цяо хуаюй*), имеющего своим истоком понятие «умной силы» (*smart power*), предложенное американскими политологами¹⁵.

«Умный дискурс» определяется им как способ презентации дипломатии, в котором гибко и уместно соединяются «жесткий дискурс» и «мягкий дискурс». Предлагая в дальнейшем наполнять конкретным содержанием модель «умного дискурса», Чэнь Диндин обращает особое внимание на публичную презентацию китайской дипломатии:

– повышать мастерство официальных выступлений, улучшать выразительность речи;

– научиться разными способами и на разных языках выражать один и тот же смысл, уметь затронуть своими идеями душу зарубежной аудитории;

– изменить психологический настрой и дискурсивную тактику: не только активно обороняться, но и активно наступать, причем применять эту тактику во всех международных дипломатических случаях¹⁶.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в китайском экспертном обществе отсутствует консенсус относительно того, является ли китайский дипломатический дискурс трудным для понимания странами Запада и каким он должен быть.

Действительно ли дипломатический дискурс Китая труден для понимания?

«Общее будущее человечества»¹⁷ как базовый концепт дипломатического дискурса Китая

В данной связи мы предлагаем проанализировать концепт «общее будущее человечества», который является системообразующим ядром дипломатического дискурса Китая на современном этапе и представляет собой характеристику глобальной картины ми-

ра руководством КНР. Это концепт не получил конкретного описания и остается мало понятным для международного научного и экспертного сообщества.

Языковой уровень

При исследовании концепта «общее будущее человечества» на языковом уровне мы воспользуемся методом, предложенным Ю.С. Степановым. В онтологическом плане он предлагал рассмотреть три уровня — три слоя концепта:

- современный, актуальный слой;
- исторический, пассивный слой;
- внутреннюю форму, базовый этимологический слой¹⁸.

Первичный анализ китайской письменности в рамках этой методики показывает, что каждый иероглиф представляет собой комплексный многослойный конструкт, где представлены и этимологический, и исторический, и современный уровни, которые могут актуализироваться в зависимости от контекста или разновидностей речи — письменной или разговорной.

Изучение семантической структуры концепта «общее будущее человечества» как многомерного смыслового образования, по мнению российского лингвиста В.И. Карасика, предусматривает рассмотрение понятийной, образной и ценностной составляющих¹⁹.

Своеобразие китайского языка состоит в том, что единица письменности — иероглиф — является фактически микроконцептом, обладает графической наглядностью формы и условно-символическим содержанием. Зрительная наглядность позволяет напрямую, через внешний образ прикоснуться, а иногда и проникнуть в содержание иероглифа. Внешняя форма помогает раскрыть или истолковать лишь небольшую часть содержания, связанную с этимологическим ядром. За более чем тысячелетнюю историю развития китайского языка иероглифика обогащалась новым содержанием, которое включало как логико-понятийные, так и образно-символические компоненты.

«人类命运共同体» (renlei mingyun gongtongti) состоит из трех концептов: «人类» (renlei) — человечество, «命运» (mingyun) — судьба/будущее и «共同体» (gongtongti) — сообщество/общность/общий.

Этимологический слой концепта «человечество» в китайском языке передается двумя иероглифами: «人» (ren) — человек и «类» (lei) — род, то есть их сочетание означает «人类» (человеческий род). Современной актуализацией этого бинома считается «человечество».

Концепт «судьба» в китайском языке обозначается двумя иероглифами «命运» (mingyun), причем они оба играют важную роль в понимании семантики слова.

Этимология иероглифа «命» (ming) связана с иероглифом «令» (ling), который означает «указание от высшего низшему», в дальнейшем был добавлен иероглиф «口» (kou) и таким образом «令» (ling) превратился в «命» (ming), чтобы подчеркнуть, что «высший отдает авторитетный устный приказ низшему».

Исторически иероглиф «命» (ming) использовался в понятии «天命» (tianming) — небесный мандат (распоряжение Неба), вручаемый императору на правление; «命名» (mingming) — наречение именем (имя, дарованное указанием).

Иероглиф «命» (ming) также имеет значение «определенные ограничения», то есть «указание, которое лимитирует процесс, деятельность». «生命» (shengming) — жизнь (определенный лимит жизни).

В словах, в которых иероглиф «命» (ming) идет первым, он выступает в качестве устойчивого и заданного указания и лимита процесса — алгоритма жизнедеятельности.

Этимологическое значение иероглифа «运» [運] (yun) определяется ключом «движение вперед» и фонетиком «армия», то есть морфема переводится как «движение армии».

Исторически иероглиф «运» [運] (yun) приобрел значение «движение войск согласно замыслу», «движение кругами — вращательное движение» и далее «траектория изменяющегося развития».

Соединение иероглифа «运» (yun) с иероглифом «气» (жизненная энергия «ци») дает нам понятие «运气» (yunqi) — удача, счастье, фортуна как круговорот энергии. Этот компонент является нейтральным, в отличие от европейской интерпретации данного понятия.

Удача, фортуна зависят от правильного поведения и понимания внешних императивов: везение «运气好» (yunqi hao), невезение «运气不好» (yunqi bu hao), а также от счастливого случая: встретить удачу «幸运» (xingyun)

Объединение «命» (ming) и «运» (yun) в один концепт «命运» (mingyun) дает значение «предопределение», «судьба», подразумевая «движение жизни, круговорот жизни». Жизненные метаморфозы могут изменить жизнь, судьбу «改命» (gaiming), можно лишиться жизни, а в древности — Небесного мандата — «革命» (geming). Смена парадигмы жизни-судьбы — это результат действий Неба, сверхъестественных сил или приказа свыше, как реакция на правильное или неправильное нравственное поведение.

Следует заметить, что морфема «命运» (mingyun) «судьба» в китайской традиции не имеет фаталистического смысла в отличие от русского понятия «судьба» или английского — «destiny». «命运» (mingyun) — это подверженный изменениям жизненный путь в будущее, который можно корректировать.

Поэтому при переводе на английский язык в качестве стандарта понимания Бюро переводов при ЦК КПК сначала был предложен вариант «destiny» (судьба), а после нескольких лет апробации концепта окончательный перевод был согласован как «future» (будущее).

Концепт «сообщество» состоит из морфемы «共同» (gongtong) (общий, совместный) и «体» (ti) (тело, форма, структура, строй), то есть «共同体» (gongtongti) — форма или структура общего, структурированное или сформированное общее. По-английски: community — common+unity.

Целостный концепт «人类命运共同体» («общее будущее человечества») включает смыслы всех его элементов, тем не менее собранные вместе отдельные элементы-концепты в связи с иероглифической многозначностью и образно-символическим смыслом не дают однозначной интерпретации данного концепта. Более того, в ЦК КПК, агентстве «Синьхуа» при стандартизации перевода новых политических терминов-концептов допускают разную интерпретацию для разных иностранных языков.

Таким образом, перевод концепта «人类命运共同体» на русский язык как «сообщество единой судьбы человечества» и его дальнейшие корректировки не отражают в полной мере китайский контекст. Так, в русском переводе присутствует мотив исключительности и предопределенности судьбы человечества, однако, если исходить из анализа составляющих целостного концепта, подобная доминанта отсутствует.

При рассмотрении переводов данного концепта на английский язык можно заметить постоянную корректировку разных вариантов.

Первоначально «人类命运共同体» переводилось как «Community of Common Destiny for Mankind», затем «Community of Shared Destiny for Mankind», далее «Community of Shared Future for Mankind» (перевод в выступлении Си Цзиньпина в ООН в 2015 г.) и, наконец, уже на XIX съезде КПК были исправлены все ошибки и представлена версия «A Community of a Shared Future for Mankind», которая остается на сегодняшний день основной версией перевода на английский язык. Правда, по нашему мнению, в связи требованиями толерантности, в Европе в 2019 г. перевод был изменен на «A Community of a Shared Future for Humanity/Humankind».

Анализ концепта «人类命运共同体» на языковом уровне показал, что в связи с особенностями иероглифического образно-символического письма существуют определенные трудности развития концепта и превращения его в однозначный термин. Многозначность, присущая концепту изначально, особенно ярко проявляется в переводах на иностранные языки, причем в разных языках, видимо, по политическим или идеологическим причинам, меняются акценты внутри концепта, и даже дается его расширенная лексическая интерпретация.

Понимая недостроенность концепта «人类命运共同体», китайское руководство уже на когнитивном уровне приложило усилия для его дальнейшей структуризации и создания соответствующей концептосферы.

Когнитивный уровень

На когнитивном уровне происходит идентификация, классификация и структуризация идеи, концептов, понятий и ценностей, тем самым создается когнитивная сфера.

Когнитивная сфера является открытой системой, построенной по типу иерархии подчинения низших звеньев высшим. Она имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Развертываясь вовне, когнитивная сфера может входить составной частью в более широкое когнитивное пространство.

Внутренняя структура когнитивной сферы может быть представлена в виде «пирамиды» или «дерева».

Гибкость системе управления когнитивной сферы обеспечивают **фреймы** — основные идеи-образы, концепты, понятия, ценности. Фреймы интегрированы в когнитивную сферу вертикально и горизонтально. Они подвижны, и в ходе мыслительной деятельности образы через концепты трансформируются в понятия.

К когнитивной сфере подключены и необходимые исторические фреймы для придания когнитивному пространству временной глубины и объемности.

Как показал языковой анализ, когнитивная сфера «人类命运共同体» («общее будущее человечества») состоит из трех основных концептов: «общий, сообщество», «будущее/судьба», «человечество». Лингвистическая интерпретация и перевод на иностранные языки нередко меняет акценты словосочетаний и в данном случае многосоставного концепта.

В китайском языке основным членом словосочетания «人类命运共同体» является «共同体» (gongtongti) — сообщество, общность.

Определением к «сообществу» выступает «судьба/будущее», а определением второго порядка является «человечество». Когнитивная интерпретация взаимосвязей в главном многосоставном концепте будет выглядеть таким образом: «общее будущее человечества».

В ходе развития многосоставного концепта расширялась его когнитивная сфера, каждая его составная часть — прирастала низшими звеньями.

Основной фрейм — «общность/общее» — конкретизируется образами и метафорами:

– китайское руководство использует и концепцию «глобальной деревни» (地球村) (dìqiúcūn) (проживание в отдельных домах, но в рамках одной деревни, в этой связи наличие общих связей и интересов) как важный узел когнитивной сферы;

– «под общим синим небом, в общем доме» (同一个蓝天下, 同一个家园) (tóng yíge lán tiān xià, tóng yíge jiāyuán) (Си Цзиньпин на встрече с представителями политических партий всего мира заявил, что в современном мире судьбы народов тесно связаны и все зависят друг от друга, будто они живут в общем доме);

– «большая семья» (大家庭) (dà jiātíng) (метафора более тесной взаимосвязи между народами мира).

Наивысшим критерием общности являются тесные супружеские связи. Приводя цитату из стихотворения «Я и ты» известной художницы и каллиграфа династии Юань — Гуань Даошэн (1262–1319) «В тебе есть я, а во мне есть ты» (你中有我, 我中有你) (ni zhong you wo, wo zhong you ni), Си Цзиньпин приводит неразрывность и неразделимость двух супругов в качестве примера степени интегрированности человечества для общего будущего.

Фрейм «будущее» описывается образами:

– «прекрасное будущее» (美丽未来) (meili weilai) (наиболее общее понятие);
 – идеал «прекрасного завтра» — это «Великое единение в мире и Поднебесная как одна семья» (世界大同, 天下一家) (shijie datong, tianxi yijia) — метафоры «золотого века» из истории Китая.

Фрейм «человечество» делает акцент на единство людей в мире:

– «у человечества только одна Земля, и все государства вместе существуют в одном мире» (人类只有一个地球, 各国共处一个世界) (renlei zhi you yige diqiu, geguo gongchu yige shijie) (фраза, означающая единство мира, но отдельное существование государств).

Образно-метафорическое измерение когнитивной сферы «人类命运共同体» («общее будущее человечества») дополняется развитием концептуально-понятийного аппарата.

Выступление Си Цзиньпина в Нью-Йорке на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. с докладом «Сообща создадим новое партнерство сотрудничества и общего выигрыша, единодушно построим общее будущее человечества» ознаменовало переход к структуризации и систематизации когнитивной сферы «общего будущего человечества». Когнитивное поле идей и образов получило четкие ориентиры в рамках дипломатического дискурса и понятийное описание.

Председатель КНР определил основные фреймы концептуализации «общего будущего человечества»:

Фрейм «политика» — установление партнерских отношений на условиях равноправия и взаимопонимания.

Фрейм «безопасность» — создание безопасной архитектоники, основанной на правде и справедливости, совместном строительстве и совместном использовании результатов.

Фрейм «экономика» — стремление к открытому инновационному, инклюзивному и взаимовыгодному развитию, построение нормативной системы, в которой уравниваются эффективность и справедливость.

Фрейм «культура» — содействие обменов между цивилизациями, исходя из принципов «находиться в согласии, имея разные взгляды», «принимать всех и каждого».

Фрейм «экология» — создавать экологическую систему уважения к природе и «зеленому» развитию²⁰.

Следует отметить, что руководство Китая вкладывало во фреймы с общими понятиями, такими, как политика, экономика, безопасность, культура, экология, свое содержание, видение будущего человечества.

Доминантой концептуального решения стала идея «общего, совместного», которая увязывала образно-метафорическое измерение когнитивной сферы «общего будущего человечества» с его концептуально-понятийным измерением.

Актуализация когнитивного пространства концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») происходит на коммуникативном уровне.

Прагматический уровень

На прагматическом уровне определяются задачи создания концепта «общего будущего человечества», решается, с какой целью было расширено и углублено содержа-

ние концепта, была осуществлена его структуризация и классификация в образном, понятийном, концептуальном и аксиологическом полях.

На прагматическом уровне продвижение концепта «общего будущего человечества» требовало четкого формулирования целей и планирования задач, выбора пути решения задач и достижения цели. Уже языковой анализ концепта указывал на его глобальную ориентированность, разрабатываемые задачи относились к международной деятельности, способы их решения были связаны с внешнеполитической деятельностью, а инструментом достижения цели стал дипломатический дискурс.

Таким образом, выдвижение концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») с момента прихода к власти Председателя КНР Си Цзиньпина в 2012 г. свидетельствовало о том, что Китай в международных делах переходит от региональных целей к глобальным. Этот переход от стратегических установок Дэна Сяопина, направленных на внутреннее развитие страны и устанавливающих приоритет экономики над политикой, к более активному участию в мировых делах и выдвижению глобальной повестки дня происходил постепенно. Задачи выдвигались последовательно. Дискурсивное обеспечение осуществлялось на уровне Председателя КНР, премьера и членов Госсовета, Канцелярии по внешним делам ЦК КПК, академических институтов и учебных университетов, «мозговых центров» и отдельных экспертов.

Целью выдвижения концепта «общего будущего человечества» стало продвижение на глобальном уровне внешнеполитического продукта Китая, который бы стал заявкой на повышение политической роли КНР в мире и способствовал участию страны в глобальном экономическом и политическом управлении.

Для достижения этой цели разрабатывались задачи продвижения данного концепта на двустороннем, региональном и глобальном уровнях, а также достижения его международного признания и последующего включения в систему норм международного права.

В условиях практически полного контроля международного пространства западными СМИ важной задачей также стало оказание дискурсивной поддержки продвижению китайского глобального концепта.

Эволюция концепта «人类命运共同体» («общее будущее человечества») прошла четыре этапа, прежде чем превратилась в основной внешнеполитический инструмент реализации современной глобальной стратегии Китая.

Первый этап (до октября 2012 г.) — появление идеи «общего будущего» (именно она в дальнейшем стала основой концепта «общего будущего человечества») в риторике китайского руководства. До выхода на глобальный уровень она прошла апробацию в ходе идеологической дискуссии между Пекином и Тайбэем.

Идея «общего будущего между двумя берегами» (两岸命运共同体) (liang an mingyun gongtongti), выдвинутая руководством КНР, предлагалась как общая формула взаимоотношений в период правления тайваньской администрации Ма Иньцзю в 2001–2016 гг. в противовес концепции «сообщества/общей жизни и судьбы» (生命共同体) (shengming gongtongti) Ли Дэнхуэя (1988–2000 гг.) и Чэнь Шуйбяня (2000–2007 гг.), выступавших за локализацию Тайваня и фактический отрыв от материка.

Первое появление идеи «общего будущего» в политической риторике руководства КНР произошло еще в 2007 г., когда эту формулировку использовал председатель КНР Ху Цзиньтао, рассуждая об отношениях КНР и Тайваня. Эта идея получила развитие в Белой книге «Мирное развитие Китая» (2011), где она была впервые официально представлена как отражение важной тенденции экономической глобализации, которая оказывает влияние на международные отношения²¹. Ответственный секретарь Канцелярии по иностранным делам ЦК КПК Дай Бинго в своей статье в газете «Фигаро»²², а также Ху Цзиньтао в 2012 г. в докладе на XVIII съезде КПК активно использовали этот

термин²³. Таким образом, еще до прихода к власти Си Цзиньпина идея «общего будущего» присутствовала в дипломатическом багаже руководства КНР. Она была актуализирована как в официальных документах, так и в выступлениях китайских лидеров.

Второй этап (с марта 2013 г. по сентябрь 2015 г.) — развитие идеи и превращение ее в концепт «общего будущего человечества». Во время своего первого визита в Москву в марте 2013 г. в качестве Председателя КНР Си Цзиньпин выступил в Московском государственном институте международных отношений с речью, в которой представил свою интерпретацию китайского проекта для мира. Он, в частности, сказал: «В мире беспрецедентно углубляются взаимные связи и взаимная зависимость государств, человечество живет в одной глобальной деревне и в едином временном пространстве, где переплетаются история и современность. Этот мир все больше представляет собой общее будущее человечества, в котором у нас есть вы, а у вас есть мы»²⁴. Таким образом, идея «общего будущего» обросла образами и метафорами, которые углубили ее содержание, но на этом этапе идея представляла собой концепт, пред-понятие.

На этом этапе идея «общего будущего» была выдвинута на региональном уровне. Именно региональное звучание она приобрела в выступлениях Си Цзиньпина на Азиатском форуме в Боао 7 апреля 2013 г. и на Рабочем семинаре по дипломатической работе с сопредельными странами 24 октября 2013 г. Председатель КНР заявлял, что осознание общего будущего должно укореняться в сопредельных с Китаем странах, указав тем самым впервые вектор развития проекта. Знаменательной вехой в развитии этой идеи стала речь Си Цзиньпина перед парламентом Бразилии в июле 2014 г., в которой он выступил с инициативой о формировании общего будущего человечества и где впервые был обозначен глобальный масштаб китайской инициативы.

На втором этапе идея «общего будущего» приобрела образно-символическую глубину концепта и пространственные рамки, которые расширялись от двусторонних отношений к региональным (сопредельные страны) и далее к глобальным.

Третий этап был ознаменован речью Си Цзиньпина в Нью-Йорке в штаб-квартире ООН на 70-й юбилейной сессии ГА ООН 28 сентября 2015 г. на тему: «Сообща создадим новое партнерство сотрудничества и общего выигрыша, единодушно построим общее будущее человечества».

Председатель КНР выступил с уже разработанной концепцией «общего будущего человечества», в которой определил основные сферы ее развития: политическую, безопасность, экономическую, культурную и экологическую²⁵.

Таким образом было сформировано когнитивное пространство «общего будущего человечества», которое включило узловыe элементы: идею, концепт, понятие и концепцию «общего будущего человечества».

В своих выступлениях 2015–2016 гг. Си Цзиньпин широко пропагандировал новый инструмент «общее будущее человечество» и повысил его статус до главной внешнеполитической установки Китая вместе с построением «международных отношений нового типа, в центре которых сотрудничество и общий выигрыш». Трансконтинентальная инициатива «Один пояс, один путь» рассматривалась как инструмент практической реализации внешнеполитической стратегии «общее будущее человечества».

В этот период когнитивное пространство «общего будущего человечества» стало обогащаться глобальными предложениями Китая по реформированию мировых глобальных институтов. Идея о «совместном обсуждении» (共商) (gong shang), «совместном строительстве» (共建) (gong jian) и «совместном использовании» (результатов) (共享) (gong xiang), которая лежала в основе системы управления инициативой «Один пояс, один путь», была предложена для улучшения работы институтов глобального управления.

Важным дополнением когнитивного пространства «общего будущего человечества» стало выступление Председателя КНР в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г. В нем Си Цзиньпин подробно и системно изложил понятийную составляющую когнитивного пространства «общего будущего человечества». Особенностью данного выступления явилось то, что Си Цзиньпин показал историческую глубину и временной масштаб когнитивного пространства. Создание «общего будущего человечества» он определил как «时代命题» (shidai mingti) (тему эпохи), что является понятием временного разграничения, охватывающим от нескольких десятков до сотен лет, и по своему объему уступает только периодизации формаций. Как отметил Си Цзиньпин, «создание общего будущего человечества — это прекрасная цель, которую можно осуществить, передавая эстафетную палочку от поколения к поколению»²⁶.

На третьем этапе было завершено в целом создание когнитивного пространства «общего будущего человечества», определены его временные и пространственные параметры, была разработана внутренняя структура и ее элементы. Китайский проект «общего будущего» был представлен и прошел апробацию в глобальных институтах ООН в Нью Йорке и Женеве.

Четвертый этап связан с практической реализацией проекта «общего будущего человечества» в плане его дальнейшей пропаганды на всех уровнях и углублением теоретического обоснования.

Пространство «общего будущего человечества» стало основной целью инициативы «Один пояс, один путь», о чем Председатель КНР заявил на Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Одного пояса, одного пути» (ОПОП) в мае 2017 г. В своем выступлении на заседании «круглого стола» Форума он сказал, что «в контексте международного сотрудничества по строительству «Одного пояса, одного пути»... все будут непрерывно продвигаться вперед в направлении общего будущего человечества». По словам Си Цзиньпина, это и было его первоначальным намерением выдвижения этой инициативы и высочайшей целью, которую он надеется достичь посредством нее²⁷. Таким образом, инициатива ОПОП представляет собой практическую реализацию китайского проекта «общего будущего человечества» на трансрегиональном уровне.

В октябре 2017 г. состоялся XIX съезд КПК, на котором были подведены итоги деятельности партии и ее генерального секретаря Си Цзиньпина за отчетный период и намечены перспективы будущей работы. Проект «создания общего будущего человечества» получил достаточно широкое освещение в отчетном докладе китайского лидера.

Важным итогом XIX съезда КПК было внесение в Устав КПК дополнения о построении сообщества судьбы/общего будущего человечества как внешнеполитической цели Коммунистической партии Китая. В марте 2018 г. на 1-й сессии ВСНП 13-го созыва было принято решение о внесении в Конституцию формулировки о создании такого будущего как основной цели государства во внешней политике в эпоху Си Цзиньпина.

Осуществив институционализацию проекта «общего будущего человечества» внутри страны, руководство КНР стало прилагать усилия для ее актуализации на международном уровне. Целью внешнеполитической деятельности Си Цзиньпина и китайских дипломатов было добиться включения этого проекта в международно-правовую систему для дальнейшего превращения китайских идей в международно-правовые нормы.

Особую роль в распространении проекта «общего будущего человечества» в мире сыграли Председатель КНР Си Цзиньпин, премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, министр иностранных дел Ван И и др. Они продвигали эту концепцию с 2013 г. в двустороннем и многостороннем форматах, на региональном и глобальном уровнях.

Начиная с 2017 г. китайский проект «общего будущего человечества» получил отражение в документах Организации Объединенных Наций.

10 февраля 2017 г. на 56-м заседании Комитета ООН по социальному развитию была принята резолюция «О социальном аспекте развития отношений нового партнерства в Африке», в которой по инициативе китайской стороны впервые появилась формулировка «создание общего будущего»²⁸.

17 марта 2017 г. при принятии Советом Безопасности ООН резолюции по проблеме Афганистана было заявлено, что необходимо продвигать региональное сотрудничество на основе духа сотрудничества и общего выигрыша, чтобы эффективно содействовать безопасности, стабильности и развитию и создавать общее будущее в Афганистане и регионе.

23 марта 2017 г. на 34-м заседании Совета ООН по правам человека было принято две резолюции об «экономических, социальных и культурных правах» и «правах на продовольствие», где впервые было указано на необходимость создания общего будущего человечества²⁹.

2 ноября 2017 г. завершилось заседание Комитета ООН 72-го созыва по международной безопасности и сокращению вооружений. В резолюцию Комитета была внесена выдвинутая Китаем идея о создании общего будущего человечества. По этому поводу официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньбао заявила на очередной пресс-конференции, что идеи Китая получают все более широкую поддержку в мире и все больше находят свое отражение в повестке дня ООН³⁰.

23 марта 2018 г. во Дворце наций в Женеве Совет ООН по правам человека на своем 37-м заседании принял резолюцию «Продвигать сотрудничество и общий выигрыш в сфере прав человека», выдвинутую Китаем. Впервые в резолюцию ООН одновременно вошли две важные идеи — содействия строительству международных отношений нового типа и создания общего будущего человечества.

По нашему мнению, включение идеи «общего будущего человечества» в резолюции ООН свидетельствовало о важном этапе международного признания китайского глобального проекта.

* * *

В результате проведенного исследования очевидны следующие выводы.

Дискуссии известных китайских ученых, предметом которой стал дипломатический дискурс Китая, показали, что проблема актуальна как для высших эшелонов власти, так и для экспертов научных учреждений. Руководство Китая дает необходимый импульс к изучению темы, а ученые предлагают соответствующие модели и решения.

Китайские ученые пришли к выводу, что в современном мире изучение темы дипломатического дискурса имеет важное теоретическое и прикладное значение. При разработке дискурсивных моделей необходимо учитывать передовой западный опыт, но приоритетом должна быть традиционная культура Китая, достижения которой необходимо уметь соединять с современными требованиями международной жизни. Понимание китайского дипломатического дискурса является результатом активной профессиональной работы по продвижению китайского языка и культуры за рубежом. Эффективность дипломатического дискурса во многом зависит от разработки адекватных дискурсивных формул, владения дискурсивными технологиями, использования дискурсивной стратегии и тактики в дипломатической практике.

В кейсе «общего будущего человечества» был проанализирован главный внешнеполитический инструмент китайской дипломатии при Си Цзиньпине.

Он представляет сложный, многослойный и многосоставной конструкт, состоящий из традиционных и современных идей, концептов и понятий, которые во всей своей совокупности образуют многомерное и структурированное пространственно-временное поле.

Концепт «общее будущее человечества» рассматривался авторами на трех уровнях понимания.

На языковом уровне была определена семантическая форма «общего будущего человечества» как концепт, который является переходным состоянием от идеи к понятию. В связи с тем, что он состоит из трех частей, он является многосоставным. Его анализ осуществлялся в рамках герменевтического круга: от частного к целому и от целого — к отдельным частям. Была показана этимологическая основа концепта. Важным моментом для понимания концепта был анализ его переводов на иностранные языки, которые имеют свои особенности в его интерпретации.

На когнитивном уровне было показано, как из образов, идей, концептов и понятий образуется когнитивное пространство «общего будущего человечества», имеющее пространственно-временные параметры внутреннюю структуру и открытую систему, которая, в свою очередь, может принимать новые элементы. Именно на когнитивном уровне мы можем понять конструктор с учетом его внутреннего и внешнего контекста.

На прагматическом уровне в рамках дискурсивной прагматики проект «общего будущего человечества» рассматривался как главный инструмент и цель внешней политики Китая. Авторами была показана этапность развития проекта и его практическая реализация.

В заключение следует отметить, что проблема понимания китайского дискурса обладает многоуровневой сложностью, которая обусловлена образно-символической семантикой, отличающимися переводами на иностранные языки, многомерностью когнитивной сферы и многосторонностью коммуникации. По нашему мнению, основные затруднения пониманию дипломатического дискурса создают профессиональная терминология и когнитивный контекст.

1. Ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 111–160.
2. Zhongyang dangxiao guoji zhanlüe yanjiusuo ketizu. Zhongguo guoji huaiquan jianshe de taozhan yu chulu: [Группа института по международной стратегии партийной школы при ЦК КПК. Вызовы и выходы при формировании права на международный дискурс Китая] // Xin zhanlüe yanjiu: [Исследования новых стратегий]. 2015. № 1. С. 23–33. URL: http://iiss.ccps.gov.cn/zbkw/201505/t20150508_60139.html.
3. Там же.
4. Zhang Feng. Tianxiahui. Wei shenme Zhongguo de waijiao huayu zhenme nandong?: [Тяньсяхуэй. Почему так трудно понимать дипломатический дискурс Китая] // Pengpai xinwen. 15.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1331004.
5. Там же.
6. Там же.
7. Xu Jin. Dongfangce. Wei shenme baoyuan Zhongguo waijiao nandong de zongshi xifang ren: [Дунфан цэ. Почему западные люди всегда жалуются, что китайскую дипломатию трудно понять] // Pengpai xinwen. 21.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1332594.
8. Там же.
9. Xiang Lanqing. Meiguo zai yatai jiaoju, fanying de zhen shi “huayu ji quanli”: [Беспорядки, которые устраивают США в АТР, как раз и являются отражением тезиса «дискурс есть власть»] // Pengpai xinwen. 03.06.2015. URL: <http://www.thepaper.cn/baidu.jsp?contid=1335668>.
10. Zhang Zhizhou. Haishi rang Zhongguo waijiao huayu baochi heli de “nandong”ba!: [И все-таки пусть китайский дипломатический дискурс останется в разумной степени «не понятным»!] // Pengpai xinwen. 27.05.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1334910.
11. Там же.

12. *Su Changhe*. Rang women lai wushi de tan tan ruhe tisheng Zhongguo wajiao huayu nengli: [Давайте по-деловому поговорим, как нам повысить возможности китайского дипломатического дискурса] // *Guoguan xuepai*. 27.06.2016. URL: <http://m.duxuan.cn/doc/5670497.html>.
13. Там же.
14. Там же.
15. *Chen Dingding*. Dongfangce. Weihe Zhongguo wajiao biaoda bu shan shiyong “qiao huaiyu”: [Дунфан цэ. Почему в китайской дипломатии не используется «умный дискурс»] // *Pengpai xinwen*. 09.06.2015. URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1339829_1.
16. Там же.
17. Этот термин не имеет универсального перевода на русский язык. В российской академической среде встречаются переводы «человеческое общество с единой судьбой», «человечество как сообщество единой судьбы», «мир с общей судьбой», а также «сообщество судьбы», «сообщество единой судьбы», «сообщество судьбы человечества». В связи с особенностями перевода на русский язык произошла трансформация трехкомпонентного термина «人类命运共同体». В статье компонент «命运» интерпретируется как «будущее», а компонент «共同体» — как «общий».
18. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследователя. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 44.
19. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс.- Волгоград: Перемена, 2002. С. 84.
20. Xi Jinping's Speech at the General Debate of the 70th UN General Assembly. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
21. Zhongguo de heping fazhan baipishu: [Белая книга «Мирное развитие Китая»]. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/1000032/1000032_4.htm.
22. *Dai Bingguo*. Jianchi heping fazhan yu geguo tongzhou gongji: [Дай Бинго. Придерживаться мирного развития и «находиться в одной лодке»]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2011-09/22/content_1954365.htm.
23. *Hu Jintao*. Jianding bu yi yanzhe Zhongguo tese shehui zhuyi daolu qianjin wei quanmian jiancheng xiaokang shehui er fendou—zai Zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao: [Ху Цзиньтао. Неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой и стремиться к всестороннему построению среднезажиточного общества / доклад на XVIII съезде Коммунистической партии Китая]. URL: http://news.china.com.cn/politics/2012-11/20/content_27165856.htm.
24. Guanyu renlei mingyun gongtongti Xi Jinping shuji zheyang shuo: [Что Генеральный секретарь Си Цзиньпин говорил об общем будущем человечества]. URL: http://www.ccdi.gov.cn/toutiao/201804/t20180409_169547.html.
25. Xi Jinping zai di qishi jie lianheguo dahui yiban xing bianlun shi de jianghua. [Выступление Си Цзиньпина на общих прениях 70-й Генеральной Ассамблеи ООН]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm.
26. Xi Jinping zhuxi «Gongshang gongzhu renlei minhyun gongtongti» gaojibie huiyi bing fabaio zhuzhi yanjiang: [Основной доклад Председателя Си Цзиньпина «Работать вместе для создания общего будущего человечества»]. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-01/19/c_1120340049.htm.
27. Xi Jinping yi dai yi lu guoji hezuo gaofeng luntan yuanzhuo fenghui shang de bimuqi: [Выступление Си Цзиньпина на круглом столе на закрытии форума высокого уровня «Один пояс, один путь»] // *Жэньминь жибао*. 16.05.2017.
28. *Zhang Lili*. Wei goujian renlei mingyun gongtongti fendou: [Чжан Лили. Борьба за создание общего будущего человечества]. URL: <http://www.71.cn/2017/0420/944540.shtml>.
29. Там же.
30. Там же.